

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

Политика Временного правительства

Скоро страницы всех советских казенных газет будут посвящены «блестящим» достижениям большевистской диктатуры: исполняется 15 лет со дня ленинского переворота.

Мы все знаем, что творится в России и каковы *действительные итоги* юбилейного года большевистской политической и социальной, невиданной еще в истории Европы реакции.

Именно на фоне московских юбилейных песнопений мне хочется, в самом сжатом очерке, напомнить о времени, когда над Россией загоралось пламя *равной для всех свободы*.

Если бы за эти 15 с лишком лет, прошедших после падения монархии, Россия уже создала себе на прочных основах новое свободное государство, то короткий период Временного правительства мы могли бы уже рассматривать только исторически. Так, однако, не случилось: здоровый процесс перерождения полусамодержавной России в современное демократическое государство был в самом начале прерван большевистским октябрьским реакционным переворотом.

Февраль, как символ народовластия, вычеркнут как будто из истории России. Но это только так кажется людям слабым или близоруким. Как в Англии Великая хартия, после всех испытаний истории, осталась в основе нынешнего английского народовластия; как во Франции коренные принципы гражданской свободы, провозглашенные в 1789 году, преодолели и якобинизм, и бонапартизм, и реставрацию, *так и России суждено судьбой вернуться к основным началам Февраля, суждено воссоздать свою национальную государственность на основах народовластия*.

Между царизмом и большевизмом есть одна магическая точка — свобода, к которой, рано или поздно, как к своему центру, притянутся все творческие силы государства.

Чем на более долгий срок затягиваются несчастные, безнадёжные попытки найти жизнеспособные формы для большевистской диктатуры — военный коммунизм, нэп, пятилетка, тем очевиднее становится всякому объективному наблюдателю, что диктатура партийной олигархии неизбежно будет преодолена или взорвана.

Тот, кто не только видит, но и чувствует русскую трагедию, тот знает: чем дольше длится большевистское самовластие, тем живее, тем притягательнее для российского гражданина, находящегося под пятой Сталина, становится идея свободы, та самая идея, в которой была вся сила, весь смысл, весь пафос Февральской революции. Вот почему, несмотря на протекшие со времени ленинской контрреволюции 15 лет, каждый человек, интересующийся судьбами России и ее будущим, должен дать себе отчет в основных линиях политики Временного правительства — того правительства, которое восемь месяцев революции — и единственный раз в истории России — выражало в своих действиях свободное организованное общественное мнение страны и опиралось только на него.

Взвешивая ныне спокойно и на некотором расстоянии времени наш опыт создания последовательно демократического государства в условиях продолжающейся войны на истощение, нельзя не прийти к заключению, что именно война, и только война, со всеми ее разрушительными материальными и психологическими последствиями, оборвала естественное развитие народной демократической революции и вернула Россию на столетие вспять, ко временам нового крепостничества, нового Средневековья.

Наблюдая нынешние политические срывы давно уже заморенной Европы, особенно остро понимаешь всю нелепость иностранных и даже иногда эмигрантских утверждений: большевизм явился следствием неспособности варварской, азиатской природы русского человека приспособиться к основам европейской культурной государственности.

Я знаю, что не только иностранцы, но и большинство россиян, по обе стороны рубежа, знакомы с историей Февральской революции и с деятельностью ее правительства почти исключительно по памфлетам защитников правой или левой диктатуры или по рассказам сторонников павшей монархии. Еще и сейчас вся русская печать питается легендами, враждебными Февралю и его правительству. Репертуар этих легенд известен: приказ № 1, двоевластие, слабование правительства, «измена» Керенского генералу Корнилову и прочие подобные же фантазии. На них я не буду здесь вовсе останавливаться. Я хочу в самых коротких словах восстановить здесь действительное содержание политики

Временного правительства; ее постоянство и самостоятельность и ту историческую почву, на которой развивалась наша работа.

Конечно, судить о Феврале вообще и о Временном правительстве в частности нельзя, забывая об определенных исторических фактах или не зная их.

Прежде всего, нужно помнить, что не революция вызвала падение монархии, а как раз наоборот. Революция была попыткой остановить анархический распад государства, вызванный самоубийством монархии. Надо также помнить — что особенно старательно забывают все ненавистники Февраля справа, — что весь административный аппарат государства был разрушен отнюдь не мероприятиями революционного правительства, а распался он до самого основания в первые три дня всеобщей анархии, предшествующей образованию Временного правительства. И, в конце концов, нужно помнить чрезвычайно существенную особенность русской революции, которая так резко отличает ее и от французской революции 1789 года, и от германской 1918 года. Французская революция была введением в эпоху революционных и наполеоновских войн; германская революция была заключением, хотя и несчастным, войны 1914 года. Наша революция случилась в самый разгар военных операций, посреди самой тяжелой из бывших в истории России войн и психологически явилась следствием отвращения — по крайней мере культурных верхов страны — к сепаратному миру, который казался неизбежным, если власть останется в руках наследников Распутина. Таким образом, продолжение войны во имя национальной обороны было неотъемлемой частью февральской революционной идеологии.

Мне могут сказать, что только упомянутые мной исторические факты, предшествовавшие и сопровождавшие всю деятельность Временного правительства, отнюдь не составляют какого-то особого секрета истории, известного только особо посвященным. Наоборот, все эти факты, скажут мне, у всех у нас перед глазами. Верно. Однако такова уже леность человеческого ума: люди предпочитают обсуждать исторические события сообразно раз навсегда установленным образцам, не замечая особенностей данного исторического события, ибо изучение явления во всей его неповторимой *единственности* требует большой самостоятельности и напряженности мысли.

Трудно, например, найти два исторических события менее между собой схожих, чем французская революция 1789 года и русская — 1917 года. А между тем не только средние обыватели, но часто весьма осведомленные специалисты трудное изучение событий подлинной русской революции в их исторической и пси-

хологической последовательности заменяют пустыми сравнениями, аналогиями то с жирондистами, то с якобинцами, находят в нашей революции Дантонов и Маратов, ждут или предрекают Термидоры и Брюмеры.

Уж если искать исторических параллелей и аналогий для нашей революции, то их можно найти только в германских событиях 1918 года. До сих пор еще, например, многие либеральные русские историки вместе с некоторыми публицистами и политическими деятелями среди бывших наших союзников возмущаются появлением в первые дни революции Советов в городах, образованием солдатских Советов и исполкомов в армии, вмешательством всякого рода «революционной черни» в административную и законодательную деятельность «слабого и безвольного» правительства. Какими курьезными кажутся подобные рассуждения теперь, когда на наших глазах прошла германская революция. А ведь, повторяю я, эта революция случилась в конце войны, когда из рук крайних демагогов было выбито главное оружие разрушительной пропаганды: мир во что бы то ни стало. Однако и германская революция на своем пути к Веймарскому учредительному собранию пережила время совершенного господства Советов, даже с «народными комиссарами» на место демократических министров, чего не случилось за все время Февраля.

А теперь разве мы не видим, как на 15-м году (а не на 9-м месяце, как было у нас) пореволюционная Германия, переживая уже не самую войну, а только ее следствие, подвергается жесточайшим атакам правого большевизма (гитлерства), который, несмотря на долгие годы мира, возвращается к большевистским приемам гражданской войны, создавая собственную частную армию в размерах, о которых перед ноябрем 17-го года наши большевики и мечтать не смели.

А знаменитая попытка к перевороту Каппа в 1920 году!¹ Ведь и по своему замыслу, и в исполнении она была таким же повторением движения генерала Корнилова, как совсем недавнее «восстание» испанских генералов. И конечно, если бы капповский путч был замышлен во время войны и если бы он был возглавлен не маленьким случайным офицером, а самим Людендорфом или Гинденбургом, то это восстание генералов также открыло бы дверь к власти спартакистам, как генерал Корнилов, не желая того, открыл ее Ленину со товарищи!

Параллельное изучение начальных стадий германской революции и революции русской могло бы много содействовать более правильному пониманию наших событий 17-го года. Однако здесь, конечно, я на этом не буду останавливаться. Скажу только, что

пора уже перестать воспринимать Февральскую революцию вне времени и пространства. Пора отказаться от книжного представления о революции. Пора воспринять Февраль в его органической связи с тем глубоким процессом всех социальных экономических связей, который был вызван мировой войной и который до сего дня пронизывает жизнь всех стран, участвовавших в войне. Рассматривая февральские события с такой более широкой международной точки зрения, мы сразу увидим, например, что та исключительная сила антидемократических настроений, с которыми столкнулась Февральская революция, вовсе не была какой-то особенностью национальной психологии «дикой России», но явилась после войны выражением некоего острого заболевания политического сознания во всей Европе. Ведь мы видим теперь, как диктаторский психоз, захватив сначала Польшу, Балканы, Италию, Испанию, ныне отравил гитлеризмом почти половину культурных классов Германии и почти целиком всю ее университетскую молодежь.

Не так давно известный испанский государственный деятель при монархии, Камбо², в своей интересной работе о диктатуре установил как бы некоторый закон, по которому выходило, что распространение разного типа диктатур в Европе совпадало с границами малоиндустриальных земледельческих стран, где лошадь является главным средством передвижения. Пример нынешней Германии требует значительной поправки к теории Камбо. Мне же кажется, что диктаторская эпидемия явилась следствием глубокой перемены в хозяйственной структуре некоторых стран. Общим следствием военно-хозяйственного истощения было повсюду ослабление хозяйственной роли средних классов. Во время войны произошла некоторая поляризация экономических сил. Всем же известно, что еще и до войны хозяйственная структура России отличалась особой слабостью средних классов; слабостью экономического развития как раз той городской буржуазии, которая везде является фундаментом демократической государственности, балластом, дающим устойчивость государственному кораблю во время социальных бурь. В Германии наоборот: до войны средние классы были хорошо организованы и экономически сильны. Только начиная с войны и в особенности в послевоенные годы знаменитой инфляцией германские средние классы внезапно потеряли по меньшей мере две трети всего своего хозяйственного, а тем самым и политического влияния в жизни страны. Именно в этой деклассированной средней буржуазии и нашел Гитлер свою главную опору. Ленин же, еще в самый разгар войны — и такого козыря нет и не будет в руках Гитлера, — мог взорвать уже расшатанную до основания войной и тремя годами блокады хозяйственную сопротивляемость средних

классов и таким образом превратить Россию в опытную станцию левого политического и хозяйственного безумия.

Таким образом, борьба против диктатуры на хозяйственном фронте выражается прежде всего в восстановлении хозяйственного благополучия *среднего* человека, в подъеме его жизненного уровня, ибо средний хозяйствующий человек представляет собой большинство всякой страны и на нем одном покоится демократический порядок. Вот почему, кстати сказать, Сталин, защищая партийную диктатуру против неизбежных политических следствий хозяйственной эволюции нэпа, должен был взорвать самый нэп и под видом пятилетнего плана «социалистического строительства» подвергнуть всю страну режиму принудительной нищеты.

Нечего и говорить, что дрящавая война, с каждым днем все более и более ослаблявшая хозяйственную сопротивляемость сельских и городских производящих классов, выбивала из рук Временного правительства самое действительное средство борьбы с диктаторскими и антидемократическими настроениями, которые напирала на Февральскую революцию с двух сторон: справа — в виде военной диктатуры, слева — под видом диктатуры пролетарской.

Тройной долг возложила судьба на плечи одиннадцати человек, которые неожиданно для себя оказались в разгар самой тяжелой в истории страны войны носителями верховной власти величайшей империи. Нужно было, во-первых, восстановить до основания разрушенный аппарат государственного управления; нужно было, во-вторых, продолжать войну; в-третьих, нужно было безотлагательно осуществить ряд коренных хозяйственных и политических преобразований, ставших неизбежными после падения монархии.

Можно утверждать, не боясь опровержений истории, что ни одно из современных нам правительств великих держав не стояло перед лицом таких подавляющих трудностей. Каждая из трех только что мною указанных задач могла бы в отдельности исчерпать программу любого правительства.

Не забудем при этом, что в продолжение войны и в Англии, и во Франции, и в Германии — в государствах, вполне сохранивших в целостности свой хозяйственный и административный аппарат, — были устранены все политические разногласия и правительства могли спокойно и властно, как Клемансо, утверждать: «Мы только ведем войну». Временное правительство тоже должно было вести войну. Но в то же самое время оно было вовлечено в напряженную борьбу с настоящим ураганом анархии и должно было со всей возможной скоростью осуществлять долгожданные

политические и социальные чаяния народа, который ни минуты не хотел больше ждать.

Тут может возникнуть вопрос, отдавали ли себе отчет члены первого состава Временного правительства, принимая на себя 2 марта власть, *что* их ждет и *какую* ответственность они берут на себя. Вспомним, что вся Россия от генерала Алексеева и Родзянко до рядового члена какого-нибудь земства или городской думы, — вся сознательная Россия последние месяцы старого режима была убеждена в том, что Распутин и его сотрудники толкают Россию навстречу катастрофе и сепаратному миру. Обычно принято думать, что политические предсказания, в особенности предрекающие грядущие бедствия, не оправдываются. В декабре 1916 года³ князь Львов, подводя итог общему состоянию умов в России, написал в своей несказанной речи незабываемые слова, которые доказывают, что исторические провидения и политические пророчества совершенно возможны и осуществляются слово в слово. Князь Львов писал о толпившихся у трона: «Пусть потом несчастья затопят нашу родину, пусть великая Россия *станет данницей немцев*, лишь бы им сохранить свое личное старое благополучие...»

«Путем разрушения народного единства и сеяния розни они неустанно готовят почву для позорного мира. И вот уже не в предчувствии грозной опасности, а в состоявшемся полном разрыве идеала русского народа с действительной жизнью мы должны теперь сказать им — вы злейшие враги России и престола; вы привели нас к пропасти, которая развернулась перед русским царством». И затем князь Львов восклицает: «Что же нам делать? Отдадим себе отчет в нашем собственном положении, в наших силах и в нашем долге перед родиной в *смертный час ее бытия*».

В смертный час бытия России, на самом краю пропасти под надвигающейся угрозой позорного мира князь Львов и его единомышленники, стремясь зимой 1916 года предотвратить взрыв анархии, побуждали Государственную Думу к борьбе за ответственное министерство, к борьбе за освобождение верховной власти от влияния на нее всемогущей, но совершенно безответственной кучки фанатиков и авантюристов, которые подчинили себе волю несчастной, больной императрицы. Еще надеялись дворцовой революцией спасти страну от хаоса, но — было уже поздно.

То, что случилось, было взрывом не только монархии, но и самого государства. Смертный час наступил. Нельзя было уже предотвратить развала. Можно было только попытаться его *остановить*. Каждый из членов Временного правительства, принявшего всю полноту государственной власти 2 марта 1917 года, ясно сознавал, что на его плечах двойная тяжесть — война и революция.

Конечно, теоретически нельзя даже оспаривать, что война и революция несовместимы, что одна исключает другую. Однако на практике Временное правительство не имело никакого выбора между войной и революцией; больше того, сама революция, чудесно превращая анархический взрыв в организованное государственное движение, творилась величайшим патриотическим подъемом, совершенно исключавшим всякую возможность сепаратного мира. Рассудочно теперь весьма многие считают такие настроения в начале революции жесточайшей ошибкой. Но я не занимаюсь здесь критической оценкой февральской психологии, а только ее устанавливаю как бесспорный исторический факт. Мимоходом я не могу здесь не остановиться на распространенной среди наших бывших союзников критике Февральской революции с точки зрения военных интересов франко-английского Западного фронта. Сравнивая внешне благополучное состояние русского фронта в зиму перед падением монархии с быстрым падением боеспособности нашей армии в начале революции, историки и мемуаристы среди наших бывших союзников весьма часто приходят к совершенно ложному выводу: Февральская революция, разрушив боеспособность русской армии, резко нарушила стратегические планы союзных армий и затянула войну на целый лишний год.

В действительности Февральская революция, уничтожив неизбежность сепаратного выхода России из войны весной 1917 года, навсегда сделала невозможной победу центральных держав, хотя бы даже ценой продления военных операций на целый год. Недаром в своих воспоминаниях фельдмаршал Гинденбург, говоря о восстановлении боеспособности нашего фронта летом 1917 года, пишет: «Еще раз у нас были похищены самые широкие надежды на победу». Такой результат Февральской революции был отнюдь не случайностью, а следствием всей военной политики Временного правительства, которое в свою очередь только выполняло свободную волю страны.

В чем же заключалась военная политика Временного правительства? Она естественно распадалась на две части: на политику чисто военную, стратегию, и на международную политику во время войны. Эта политика может быть вкратце выражена так: выполнение определенной стратегической задачи, соответствовавшей силам ослабленного фронта, и в то же время дипломатическая работа, всячески приближающая заключение общего для всех воюющих мира.

В чем же была наша стратегическая задача? Русские и иностранные военные авторитеты, сосредоточивая, естественно, свое внимание на совершенно незащитимых и жестоких несовер-

шенствах организации армии после революции, до нынешнего дня обычно пишут о беспорядках в армии, об эксцессах солдат против офицеров, о дезертирах, о «провале безумно задуманного наступления» и т. д. Однако недаром Козьма Прутков сказал, что специалист подобен флюсу. Военные специалисты, естественно, также судят все явления со своей профессиональной точки зрения, и было бы нелепо их за это осуждать. И самая жестокая критика военных специалистов состояния русской армии после падения монархии бесспорна и совершенно справедлива. И все-таки это еще не все. Ибо оценка — государственная, политическая и международно-стратегическая — нашей армии во время Февральской революции будет совсем другая.

Какая задача была поставлена нашей армии в кампании 1917 года? Должны ли мы были заниматься наступательными операциями для захвата Константинополя, Будапешта или Берлина? Ясно — нет. Боевые задачи, не разрешенные русской армией за все время войны до революции, не могли разрешиться теперь среди общего катастрофического развала. Временное правительство поставило себе стратегическую задачу неизмеримо более скромную, но зато вполне соответствующую наличным силам. Мы поставили себе целью: восстанавливая насколько возможно боеспособность армии, удержать на нашем фронте до конца кампании 1917 года наибольшее количество неприятельских войск. Достигая этого, мы, во-первых, лишали генерала Людендорфа возможности свободно маневрировать на Западном фронте, на фронте наших союзников, а во-вторых, этим самым отсрочивали решительные столкновения военных сил двух враждебных коалиций на время кампании 1918 года. Только такая отсрочка решительного столкновения давала возможность Соединенным Штатам действительно вступить в войну и оказать в 1918 году на фронте наших союзников решительную помощь. И каждый из членов Временного правительства может теперь со спокойной совестью сказать: стратегическая цель, поставленная военной политике правительства Февральской революции, в полной мере была достигнута.

Больше того, русская революция оказывала на славянские и даже турецкие войска коалиций центральных держав такое «разлагающее действие», что германское Верховное командование вынуждено было перебрасывать эти войска на Западный фронт и на их место присылать германские части на наш фронт. Вот почему в конце концов оказалось, что *летом 1917 года на русском фронте было сосредоточено наибольшее за все время войны количество германских войск*. Обратная переброска этих дивизий на Западный фронт началась только с середины сентября, когда

в русской армии с очевидностью проявились все разлагающие психологию войск следствия движения генерала Корнилова против правительства революции.

Отмечу здесь, что склонность к диктатуре, о которой я выше писал, наблюдалась во время войны у таких людей, которые, казалось, были совершенно застрахованы от заражения этим психозом. Более чем понятно, что жесточайшие испытания, пережитые нашим офицерством после революции на фронте, толкнули часть командного состава на участие в несчастной аванюре, которая была безнадежна с самого начала. Но для меня до сих пор необъяснимы мотивы, которые толкнули некоторых военных представителей наших главнейших союзников на активную поддержку генеральского движения против правительства, которое в это время руководило на фронте операциями не менее важными для союзников, чем и для самой России. Таким образом, если даже допустить, что Февральская революция ослабила военное положение союзников, то ответственность за это должны открыто принять те официальные представители их, которые, содействуя восстанию против правительства, наносили жесточайший удар боеспособности нашего фронта.

Впрочем, малодружественное отношение к Временному правительству некоторых весьма влиятельных союзных кругов можно, по-видимому, объяснить тем, что новые цели войны, которые выдвинула Россия после революции, были совершенно чужды тогдашней психологии официальных кругов Англии и Франции. Формула демократического мира, которая позже была развернута в знаменитых 14 пунктах декларации президента Вильсона и которая впервые в сжатой форме была провозглашена в апрельской декларации Временного правительства о «целях войны», — эта формула казалась на Западе недопустимым во время войны доктринерством и почти преступным германофильством.

В своем апрельском манифесте Временное правительство, согласуясь с свободной волей страны, заявляло, что, защищая свои границы, свободная русская демократия не стремится к завоеванию чужих земель, не хочет ни с кого взыскивать дани и стремится к скорейшему заключению справедливого и всеобщего мира на началах самоопределения народов.

Теперь, в 1932 году, общественному мнению, пережившему все разочарования Версальского мира, трудно себе даже и представить, с какой недоброжелательностью и с каким иногда нескрываемым раздражением встречалась в дипломатических кругах 1917 года наша формула «демократического мира». Однако было бы неправильно думать, что новые демократические цели войны были

продиктованы или навязаны Временному правительству только «революционным идеализмом». Нет, отказ «от империалистических целей войны», самое торжественное заявление, что свободная Россия остается на фронте исключительно для обороны своих рубежей, — все это было обязательным, первым психологическим условием для восстановления боеспособности фронта.

Кроме того, опираясь в своей деятельности на новые цели войны, новая военная дипломатия Временного правительства успешно стала готовить почву для сепаратного выхода из войны союзников Германии — Болгарии и Турции. Я только что говорил уже об огромном психологическом впечатлении (положительном для нас), оказанном Февральской революцией на славянские и частью турецкие войска, находившиеся в составе армии центральных держав на нашем фронте. Подобное же впечатление Февральская революция произвела на гражданское население в Австрии (славяне), Болгарии и Турции. Поэтому не было ничего удивительного в том, что напряженная работа министра иностранных дел М. И. Терещенко (ему содействовали дипломатические представители Соединенных Штатов в Болгарии и Турции, с которыми Америка не вступила в войну) привела к тому, что эти государства к осени были совершенно готовы выйти из войны без согласия Берлина и Вены. Событие это должно было произойти, вероятно, в конце ноября 1917 года. Едва ли стоит объяснять здесь, какое решающее значение для окончания войны имело бы открытие Дарданелл для восстановления связей блокированной России с ее союзниками и вообще с внешним миром. И еще. Все теперь знают, что как раз накануне контрреволюции Ленина Вена бесповоротно решила во что бы то ни стало, хотя бы ценой разрыва с Берлином, немедленно выйти из войны.

Таким образом, вопреки чрезвычайно распространенному в русском обществе мнению новая международная военная политика России после падения монархии не была вовсе пассивной и не шла на поводу у союзников, чрезвычайно сообразовалась с новой обстановкой, созданной революцией не только в самой России, но и в странах, с ней воевавших. И во всяком случае международная политика Временного правительства вполне осуществляла задачу всякой разумной дипломатии во время войны: она содействовала скорейшему окончанию военных действий, сообразуясь во всех своих выступлениях с реальными силами своей армии.

Я нисколько не сомневаюсь, что в настоящей истории, которая будет написана, когда умрут вместе с нами политические страсти, затмевавшие рассудок современников, — в этой истории будет написано: мировая война не затянулась бы так долго, если бы

естественный, революционный процесс восстановления государственных и социальных связей в России не был бессмысленно прерван безумной попыткой установления личной военной диктатуры в порядке гражданской войны. *Именно предупреждение всеми силами и средствами возможности превращения революции в гражданскую войну и было главной целью всей внутренней политики Временного правительства.*

Как уже говорилось, тройная задача выпала на долю Временного правительства после падения монархии. Война, восстановление до основания разрушенного аппарата управления, коренные политические и социальные реформы. Два условия, определявшие характер внутренней политики Временного правительства, делали помимо воли человеческой невозможным введение диктатуры, или, как некоторые тогда условно выражались, «сильной власти». Прежде всего, сильная власть не управляет и направляет, а приказывает и карает, такая сильная власть требует превосходно организованного и точно действующего административного аппарата принуждения. Такого аппарата, как известно, в руках Временного правительства после падения монархии не оказалось. Надо было заново с великими затруднениями и несовершенствами восстанавливать самую первобытную машину управления. А восстанавливая административный аппарат, правительство в особенности должно было опираться на общественное мнение всех политических, принявших революцию, течений.

Второе условие, определявшее всю внутреннюю политику Временного правительства, была сама война, которая требовала не только в высшей степени ослабевшей России, но и в прочих воюющих государствах осуществления самого тесного и действительного национального единства. Только такое объединение всех политических и социальных сил государства для нужд войны создает в конце концов, можно сказать, всесильную власть: иногда в виде диктаторского правительства, иногда в виде как бы диктатуры «сильной личности». Так случилось у наших союзников — в Англии образовался во главе с Ллойд Джорджем внутри правительства всемогущий «военный кабинет», а во Франции — родилась «диктатура» Клемансо.

Наконец, на фронте находились миллионы крайне возбужденных революцией солдат, которые в той или иной степени признавали авторитет только левых, социалистических партий. Но на том же фронте имелись тысячи офицеров, боеспособность которых нужно было тоже поддерживать в условиях для них исключительно трагических. А ведь огромное большинство кадрового офицерства, особенно в высшем командовании, политически

руководствовались мнениями буржуазных партий, и в особенности в кругах штабного офицерства был высок авторитет кадетской партии, которая, как мы все помним, вообще после падения монархии оказалась монополисткой так называемого буржуазного общественного мнения и стала во главе всей революционной оппозиции.

Все только что сказанное предопределяло, повторяю, коренную линию всей внутренней политики Временного правительства, не изменявшуюся все время его существования, несмотря на частые перемены в его личном составе. Основная линия нашей внутренней политики заключалась в неизменном стремлении собирать все живые творческие силы страны для восстановления действия государственного аппарата, для создания основ нового революционного политического и социального строя и для продолжения обороны. Единственным средством противодействовать силам распада, толкавшим страну в хаос гражданской войны, было привлечение к ответственной правительственной работе руководящих представителей всех без исключения политических партий — буржуазных и социалистических, признавших новый строй и верховный авторитет Учредительного собрания, подлежавшего созыву в возможно ближайший срок, невзирая даже на войну.

Нужно сказать, что внезапный крах монархии случился настолько неожиданно для социалистических партий, что их вожди не сразу поняли свою собственную роль в новых политических условиях, когда вдруг чрезвычайный удельный вес в жизни государства получили народные массы — рабочие, крестьянские и солдатские. В первые дни революции лидерам левых партий казалось, что отныне решающая роль в управлении государством перешла в руки либералов, а что социалистические партии должны постольку содействовать правительству, в нем не участвуя, поскольку оно своей политикой не будет действовать в ущерб интересам трудовых классов. Как это ни странно, но причиной так называемого двоевластия (правительства и Советов) в первые два месяца Февральской революции была эта недооценка социалистическими партиями их значения и роли после революции. Добросовестно исполняя роль как бы ответственной оппозиции при правительстве, Советы свое давление не соразмеряли со слабостью сопротивляемости и разрушенной административной машины и раздавленных тяжестью падения монархии буржуазных классов.

Вопреки общераспространенному мнению, именно строго буржуазный первый состав Временного правительства (где из 11 министров только я один представлял не буржуазную демократию) выражал собой период наибольшей «слабости власти» Времен-

ного правительства. Но зато — и тут опять парадокс — именно этот состав правительства осуществил всю программу тех смелых социальных реформ, которые затем во время психологической подготовки переворота генерала Корнилова ставились в вину «подпавшему окончательно под власть Советов» Керенскому.

На самом деле именно первый «капиталистический» состав Временного правительства разработал великую аграрную реформу (упразднение нетрудового землепользования и землевладения), подготовил положение о самоуправлении земств и городов на основе всеобщего избирательного права без различия пола, ввел рабочий контроль на фабриках и заводах, предоставил широкие права рабочим профессиональным союзам, ввел 8-часовой рабочий день на всех казенных заводах, разработал основы самого современного кооперативного законодательства, дал солдатам все права граждан вне строевой службы, положил начало переустройству империи в федерацию свободных народов, выработал основы избирательного закона для Учредительного собрания и т. д. И всю эту грандиозную законодательную работу, преобразовавшую весь политический и социальный строй России, «буржуазное» Временное правительство выполнило вне всякого давления со стороны советской демократии, осуществляя с большим подъемом и полным «классовым» самоотвержением социальные и политические идеи всего русского освободительного — либерального и революционного — движения.

Законодательствование в порядке революционных декретов почти все входит в период первых двух месяцев существования Временного правительства. По правде сказать, законодательная деятельность была для нас самой легкой. Самым трудным было управление, в узком смысле слова — правительственная деятельность, требовавшая в хаосе революционного взрыва весьма сильного административного и полицейского аппарата, которые нужно было еще создать. Нужно было создать технический аппарат, и нужно было восстановить авторитет власти. Для этого последнего власть должна была пользоваться доверием тех новых слоев населения, которые до революции были только объектом, а не субъектом власти. Весь административный аппарат был восстановлен в первые два месяца революции больше на бумаге, чем в жизни. Ибо новое начальство не умело приказывать, а население не хотело повиноваться, часто требуя к распоряжениям власти подтверждения со стороны того или иного Совета.

Таким образом, не только условия войны, но и потрясенная революцией народная психология требовали присутствия в составе Временного правительства представителей всех, в особенности

левых, партий. После некоторого сопротивления и со стороны петербургских руководителей Советов, и со стороны меньшинства в самом Временном правительстве, увлекавшегося иллюзией гегемонии буржуазии, после короткой судороги уличного бунта (20–21 апреля)⁴ в состав Временного правительства вошли представители Советов и социалистических партий. С начала мая и вплоть до большевистской контрреволюции Временное правительство неизменно оставалось правительством буржуазно-социалистической коалиции, включавшей в себя представителей всех тех партий, которые признавали окончательным совершившийся переворот и отрицали все формы диктатуры — личной, партийной или классовой.

Политика национального единения, смягчения классовых антагонизмов, предотвращения всегда возможной в первые месяцы революции гражданской войны, — такая политика *исключала*, конечно, все бьющие на эффект проявления «сильной власти». Политика сотрудничества в управлении государством многих партий с весьма разнообразными программами является, конечно, как это хорошо знают в Европе, политикой компромисса. А политика компромисса, политика соглашений и взаимных уступок является политикой для правительства самой трудной и невыгодной, для партий — самой неприятной и раздражающей партийные самолюбия, а для страны, правильнее сказать для широких кругов населения, не всегда ясной и понятной.

Можно сказать, что условия войны предопределили для России после революции систему образования правительства — коалиционную, *самую трудную*. Мы видим, как и в мирное время в странах с продолжительным опытом парламентаризма коалиции в правительстве замедляют и усложняют правительственную работу и скоро разочаровывают общественное мнение.

Руководящие члены Временного правительства, оставшиеся в его составе при всех перетасовках, отлично видели отрицательные стороны коалиции в правительстве в период революции. *Но вне гражданской войны и немедленного сепаратного мира нам не было дано никакого выхода из коалиции в правительстве.*

Обычно история Февральской революции изображается как все нарастающий развал на фронте и все усиливающаяся анархия в стране.

На самом деле история Февральской революции представляет собой кривую медленного подъема и затем резкого падения (после восстания генерала Корнилова).

Об итогах военной политики Временного правительства, опиравшегося на коалицию, я уже говорил выше.

Итоги внутренней политики были не столь наглядными, но тоже в общем положительны. Это подтверждается наиболее бесспорно самой попыткой заменить в порядке переворота коалиционную власть Временного правительства единоличной диктатурой генерала. Ведь эта попытка произошла после того, как Временным правительством было подавлено так называемое июльское восстание большевиков. Летние месяцы, предшествовавшие движению Корнилова, были временем наибольшего падения влияния большевиков как в Советах и на заводах, так и на фронте. На фронте военачальники вместе с комиссарами военного министра получили со времени наступления возможность применять меры дисциплинарного воздействия вплоть до применения военной силы и даже расстрела. Авторитет командного состава, павший после крушения монархии почти до нуля, к середине лета восстановился настолько, что главари военного заговора были уверены, что войска будут исполнять их распоряжения и что разгром Советов и свержение Временного правительства не вызовут нового серьезного бунта в рядах армии. Как мы знаем, расчеты эти оказались весьма преувеличенными: попытка генеральского восстания снова разрушила всякую дисциплину в армии. Убила авторитет не только Верховного командования, но и самого Временного правительства. Но эти не предвиденные многими последствия отнюдь не ослабляют моего утверждения, что, только почувствовав снова некоторую власть в своих руках, поклонники единоличной диктатуры могли решиться на несчастную авантюру. Так ведь было и в Германии. Знаменитая попытка Каппа — Людендорфа повторить в 1920 году марш генерала Корнилова 1917 года произошла только после того, как германская демократия преодолела анархию слева, подавила спартаковцев и восстановила военно-административный аппарат в государстве.

Но, кроме доказательства от обратного (попытки военного переворота), есть и положительное доказательство правильности коалиционной политики Временного правительства. Вспыхнувшая в марте анархия на заводах и фабриках, доходившая до крайних эксцессов, постепенно затихает, чтобы вспыхнуть снова с новой силой только перед самым переворотом большевиков. В деревне падает количество самоуправств крестьян на землях помещиков. Восстанавливается транспорт, улучшается продовольственное положение городов. Восстанавливаются органы городского самоуправления. К концу августа в большинстве городов уже действуют выбранные на основе всеобщего избирательного права городские Думы. На местах восстанавливается, хотя более медленно, чем в городах, и земское самоуправление. Органы местного само-

управления, опирающиеся на всеобщее голосование, ослабляют авторитет Советов и уменьшают их роль в местной жизни. «Известия», тогда центральный орган съезда Советов (еще не большевистских), наблюдая эту эволюцию, писали в начале осени, что такой переход руководства жизнью городов от Советов к городским Думам вполне естественен и что, сыграв свою организационную роль в переходный период, Советы должны уступить первое место правильно выбранным органам народного самоуправления.

Созыв Учредительного собрания, предназначенный на ноябрь месяц, окончательно свел бы на нет роль Советов в истории после-революционной России. Лозунг большевистской контрреволюции — «Вся власть Советам» — являлся только демагогическим прикрытием для диктаторских планов Ленина.

Я не буду входить в рассмотрение экономической и финансовой политики Временного правительства. Во время войны, да еще в условиях блокады, при глубоких социальных изменениях в самой стране, все в этой области носило временный и условный характер. Но уже тогда ощущалась неотложная потребность государства в более *планомерном* руководстве всей хозяйственной жизнью страны, для чего и был создан Высший совет народного хозяйства, после войны возникший и в Германии, а затем и в некоторых других странах.

Все, что я написал о политике Временного правительства, во-первых, далеко не исчерпывает всей темы, а во-вторых, вовсе не преследует целей какой-либо самозащиты или самооправдания.

Я и до сих пор не вижу, каким другим путем, кроме всенародного сотрудничества, можно было пытаться спасти Россию от гражданской войны и сепаратного мира «в смертный час ее бытия», как сказал князь Г. Е. Львов.

Мне и теперь представляется, что главные линии военной и внутренней политики Временного правительства были рассчитаны правильно. Вполне допускаю, что благодаря слабости наших личных сил и способностей мы не смогли правильно эту политику осуществлять. Но ведь реализация правительственной программы нашей *была прервана* теми, кто считал, что они лучше Временного правительства сумеют управлять Россией. Между тем в то время, когда на правительство Февральской революции началась атака справа во имя диктатуры, *не было абсолютно никаких объективных данных для того, чтобы считать, что дело спасения России и восстановления ее внутренней силы проиграно*. Нужно еще иметь в виду, что в противоположность всяким диктатурам Временное правительство не из своей головы измышляло свою политику, *а пыталось все время своего существования быть*

равнодействующей решений, свободно принятых всеми без исключения партиями (кроме большевистской), имевшими хоть какой-нибудь удельный вес в стране.

За время своего существования Временное правительство пережило четыре кабинетских кризиса. Всякий раз все без исключения члены Временного правительства заявляли о своем согласии или даже желании выйти из состава правительства, подчиняясь воле входящих в коалицию партий.

Я лично, наиболее ответственный за деятельность Временного правительства член его, подавал в отставку и перед корниловской попыткой переворота, и перед октябрьской контрреволюцией. Я каждый раз предлагал лицам и партиям, считавшим себя более призванными к управлению государством, открыто взять на себя ответственность за судьбу страны и по своему усмотрению образовать состав Временного правительства.

Ни политические деятели, ответственные за трагическую эскападу генерала Корнилова, ни сторонники большевистской диктатуры моего предложения не принимали. Они знали, что все организованное свободно общественное мнение России против каких бы то ни было диктатур. Только в порядке заговора, только в порядке открытой вооруженной борьбы можно было остановить постепенное укрепление демократического строя в России после революции.

Вне того пути, которым шло Временное правительство, никаких других дорог, кроме страшной дороги гражданской войны, не оказалось.

В октябре 1917 года правые, сторонники диктатуры того или иного генерала, с нетерпением ждали свержения Лениным Временного правительства. «Пусть только большевики с ним покончат, а там мы в три недели восстановим мощную национальную Россию».

Вместо трех недель идет пятнадцатый год диктатуры большевиков. Опыт большевистской диктатуры продлился неизмеримо дольше всех — то в Сибири, то на Юге России, на территории возникших диктатур весьма храбрых адмиралов и генералов. Но и там, и здесь итог получился тот же самый. Какой же отсюда вывод?

Только вернувшись на путь народовластия, только подчинив правительство свободной воле народа, только обратившись к основным идеям Февральской революции, Россия вернет себе внутренний мир, право на свободный труд и сытость.